

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ

ХАКИМОВ ЭРШОД

Эршод Равшанович Хакимов

Последняя запись

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72024190

SelfPub; 2025

Аннотация

В конце мира стоит башня. Никто не знает, кто построил её, и никто не помнит, сколько раз она уже исчезала. Там живёт человек, у которого нет имени, но есть перо, способное вычёркивать целые королевства. Его дни однообразны, как шаги по кругу... до тех пор, пока он не открывает свиток, в котором не написано ничего.

Только зеркало. И в отражении – не он. Или всё же он?

Что, если ты однажды проснёшься и поймёшь: ты не пишешь историю, ты – чья-то вырванная страница? Что, если зеркало не отражает тебя, а показывает того, кем ты мог бы стать... если бы решился?

Это история о человеке, который мог уйти – и остался. О городе, который был стёрт – и снова начал дышать. И о том, как легко стать пеплом.

Но труднее – стать человеком.

Содержание

Глава 1. Башня на Грани	4
Глава 2. Первое трещание реальности	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эршод Хакимов

Последняя запись

Глава 1. Башня на Грани

Когда-то – очень давно, так давно, что даты рассыпались, как сухие листья, – посреди Пустых Земель выросла башня. Говорили, будто её сложили из камня, который никогда не был частью гор; будто его вытащили из самого сна Земли, пока она переворачивалась с боку на бок в своём первородном бреду. Камни были гладкие, будто их шлифовал дождь иной вселенной, и тяжёлые, как память, которую никто не хочет вспоминать.

В башне жил Человек-Без-Имени. Он не помнил, как оказался здесь. Впрочем, он мало что помнил. Памятью для него были полки, заставленные свитками, и чернильная воронка времени, куда каждую луну падали новые события, новых имён, новые смерти. Его называли Хранителем, но он никогда не видел тех, кто так его назвал. И, если говорить честно, его это устраивало; чужие глаза всегда требуют объяснений, а он давно разучился объяснять даже себе.

Башня была высокой – на семь узких этажей выше редких бурь, которые тащились над Пустыми Землями, словно старые псы. Когда ветер стучал по окнам, Хранитель представ-

лял, что где-то далеко оторвало железный кровельный лист, и теперь он бьётся в небе, как раненая птица. Башня отвечала звоном сводчатых коридоров и гулким эхом пустых комнат. В этих звуках было что-то живое: башня дышала, будто огромный зверь; порой это пугало Хранителя до ломоты в зубах.

Каждая неделя его жизни была простая и круглая, как циферблат карманных часов. Утром он вставал, прыгал на каменный пол, чтобы прогнать из ног тяжесть сна, растирал ладонями лицо, и шёл вниз – на третий этаж, где стоял письменный стол из чёрного вяза. За столом он перечёркивал прошлое: раз за разом перечитывал записанное, отрывал куски смысла, искал там щели, через которые в мир могла бы протечь забытая реальность, а потом запечатывал всё новой сургучной точкой. На это уходил почти весь день.

К сумеркам он поднимался на верхний уровень – к смотровому кругу. Там, в обрамлении узких зубцов, шёл дождь, тянулись облака, иногда поднимался песок. Пустые Земли не разносили запахов, но при ясной погоде можно было почувать что-то медное – будто воздух вспоминал старую кровь.

Стоило солнцу соскользнуть за горизонт, как в башню стучался последний час – тот, ради которого, казалось, и жила вся неделя. Во внутреннем колодце, куда не доходил свет, начинался шёпот; поток ветра, схожий с вздохом старой библиотеки, поднимался снизу вверх. Из дымчатой темноты выплывала деревянная капсула – узкий ящик, обитый белой

кожей. На нём висела серебряная печать Совета. Пугающе невесомая, эта капсула всегда прибывала ровно в полночь.

Так было вчера, позавчера, год назад и – как утверждали сами свитки – много десятилетий подряд. Хранитель брал её осторожно, будто ребёнка, которого подменили в колыбели, и относил на стол. Распечатать – прочитать имя королевства – найти в великой Хронике его страницу – зачеркнуть, зачеркнуть, зачеркнуть. Память мира стиралась, письмо становилось пустотой, и башня чуть слышно выдыхала; будто облегчённо, будто ей срезали лишний вес.

Но сегодня всё пошло иначе.

Первые минуты суток тянулись ледяной паутиной. Хранитель сидел за столом, не решаясь сорвать печать. Серебро казалось живым; под слабым огнём лампы оно дрожало, будто ртутный глаз. Руки у него были крепкие и сухие, но сейчас пальцы вспотели.

Он отлепил сургуч – щёлкнуло, словно кто-то сломал сочленение кости – и приподнял крышку. Внутри лежал пергамент, свернутый в строгую трубку. Сверху ничего не было написано. Никаких чёрных букв, ни строчки. Только гладкая бледная кожа бумаги.

Сердце качнулось – ударилось о ребра, как птица о стекло. Он ещё не понимал, что пугает его больше: пустота на свитке или мысль, что это лишь начало неизбежной ошибки.

Он развернул пергамент – и увидел зеркало. Маленькое, с ладонь, в тонкой рамке. Рамка была не золотая, не бронзовая

– серебро, почти такое же, как сургучная печать, но старше, тусклее, словно вобравшее в себя пепел многих свечей.

Он поднял его ближе к свету.

Отражение кружилось, как ртуть. Сначала он увидел лишь смазанные пятна: огонь лампы, каменную арку, тёмную щель ночного окна. Затем из серебристой дымки медленно оформилось лицо. Его лицо, но... не совсем. В щёках – силуэт уверенности, какой у него никогда не было. На плечах – плащ из тёмного сукна, на груди – цепь с вороньим медальоном. Лоб свободен от морщин, взгляд тяжёлый, как раскалённое железо, готовое выжечь клеймо.

«Лорд», – прошептал он одними губами. Слово отозвалось в башне, будто кто-то повторил его из другого угла.

Дрожь прошла по стенам: сперва треснул крохотный кристалл на сводчатом стеклянном окне, потом дрогнула чернильница, разбрызгав тёмную кровь слов, а следом – весь этаж, словно его поддели снизу гигантским локтем.

Хранитель выставил руку, удерживая зеркало, но стекло не дрогнуло. Зато отражение слегка улыбнулось – как улыбаются те, у кого для любой улыбки есть причина, утаённая под языком.

Он вскочил, ударил головой о край свечника и чертыхнулся – по-человечески, грязно, как он не позволял себе уже много лет. Башня вновь успокоилась, но на мгновение ему показалось: внизу, в колодце, кто-то шепчет. Не шепчет даже – бурчит, будто старый дед, ворчащий на молодёжь – «не

так поешь, не туда смотришь».

Он опустил зеркало на стол.

– Что за шутка? – спросил вслух.

Ответа не было. Была только дрожь в его собственных лопатках и чувство, что где-то сломался хрупкий механизм. Он видел подобное в детстве, когда случайно открыл музыкальную шкатулку и заметил внутри ломаную пружину: мелодия трещала, фальшивила, пока не оборвалась на полтакте. Дальше – тишина. Но тишина тоже умела пугать.

Он вышел из кабинета, сжимая зеркало. Коридор казался длиннее обычного; факелы мигали, отбрасывая слишком длинные тени. По стенам шёл сцепленный гул – как будто под штукатуркой ворочались цепи.

Сомнение росло внутри, тёплым, упругим, как сердечная мышца. Может, это испытание? Совет проверяет его преданность? А может, чья-то злонамеренная подмена: хитрый переносчик, который однажды подменит пергамент – и вместе с ним саму действительность.

Он дошёл до нижнего склада, где хранились старые свитки, уже стеречённые из бытия. Там, в глубине, было прохладно и пахло сухим крысиным помётом – запах запустения, запах прошлого. Хранитель установил зеркало на деревянный ящик и зажёл новую свечу – тонкую, будто чужая кость.

Отражение смотрело на него молча.

– Кто ты? – спросил он.

Лорд в зеркале не ответил. Но рука его, отражённая рука,

дёрнулась, будто собиралась дотянуться сквозь стекло.

Хранитель медленно вытянул указательный палец, коснулся холодной поверхности. Щёлк! – словно капля льда упала на раскалённое железо. Зеркало зарябило, но не сломалось. Он отдёрнул руку, будто его укусили.

Тогда же, прямо под ним, где-то в ребрышках пола, донёсся звук: низкий, глухой, как удар далёкого колокола.

– Не время, – прошептал он. – Не сегодня.

Он потёр лицо. Лорд в зеркале тоже потёр – но не лицо, а подбородок, словно раздумывал. Затем наклонился вперёд, и каминный свет – какой каминный? – засветился у него за плечами багровым маяком.

Башня снова дрогнула. На сей раз вибрация была больше, грубее. Пальцы Хранителя сжались в кулак, ногти врезались в кожу так сильно, что выступила кровь. Он почувствовал во рту железо – свой собственный страх, растворённый в слюне.

Со сводов посыпалась пыль. Где-то, очень далеко, прогудела труба. Или это ему показалось?

Когда всё прекратилось, Хранитель опустился на колени. Сердце билось, как скорлупа ореха в мешке мельника. В голове теснились вопросы, но ответы сторонились, прятались по тёмным углам, как крысы. Он снова взял зеркало – осторожно, будто взяв ребёнка, который только что проснулся от дурного сна.

– Если это знак, дай мне имя, – сказал он едва слышно.

Он ожидал, что в отражении появится надпись, что стекло

раскроется, как страница. Ничего не произошло.

Тогда он понял: знак не во зеркале – знак в пустоте свитка. Совет никогда не присылал пустых. Что-то надломилось в их порядке. Или... кто-то решил, что имени сегодня быть не должно.

Он медленно завернул зеркало обратно в пергамент. На мгновение показалось, будто свиток сам тянется к его руке: бумага шуршала живой кожей.

– Посмотрим, – сказал он, – кто кого вспомнит.

Он поднялся, закрыл сундук, вернулся по холодным ступеням вверх, туда, где ночной ветер бился о окна. Башня стояла – так стонет железо, когда тянется к магниту, которого нет. А может, это вовсе был не ветер.

В комнате он разложил пустой свиток, достал остроконечное перо из вороньего пера. Чернила стояли рядом, покрытые тонкой плёнкой засохшей скорлупы. Хранитель чуть поколебался, а потом пролил каплю на край пергамента. Чернила растеклись, как тёмное пятно спирта, и на мгновение показалось, будто из них вырастает слово.

Но слово не выросло.

Он сел. Острые пера дрогнуло.

И вдруг мысль, тихая, липкая, вползла ему в голову: «Ты смотришь в зеркало, но не видишь, кто смотрит в тебя». Он вздрогнул и обернулся, ожидая увидеть в окне тень. Ничего. Только Пустые Земли, молчаливо перекатывающие в темноте своё медное дыхание.

Он вернулся к свитку – и увидел: там, где капля чернил высохла, лежит буква. Одна-единственная. К.

Кровь ледяной иглой проколола сердце. Рука дрогнула. Из чернильницы вылилась новая капля, упала рядом со старой. Когда он моргнул, к первой букве прибавилась вторая. Е.

– Нет, – выдохнул он.

Он отодвинулся, будто свиток был змеёй, которая может прыгнуть. Но слова продолжали появляться: медленно, одна за другой, словно их выводил невидимый писец.

К-Е-Р-А-С-Т.

Кераст.

Ни одна из хроник не знала такого имени. И всё же сердце узнало его. Звук этого слова был древним, как тень, которую видел во сне каждый ребёнок, но забывал утром.

Слово пульсировало, как живая рана.

Хранитель почувствовал, как башня снова здрогнулась, но теперь он понял: дрожь шла не из-под земли и не снаружи. Дрожь начиналась в нём самом. Мир сгущался, как тесто, и хотел подняться: надышать себя новым именем – именем, которое сотрёт всё, что было до него.

Он стиснул зубы.

– Не смей, – прошептал он в тишину. – Не смей.

Пергамент закрипел – это смеялись буквы.

Он снова увидел зеркало, лежащее на столе. Стекло блистало, и в нём, там, где должен был быть его испуганный лик, стоял тот самый лорд, а за его спиной, в мерцающем огне,

вырастали тени башенных зубцов – точная копия этой комнаты, только в огненных тонах. Лорд приложил палец к губам, и при этом увиделось, что губы у него немного изрезаны, будто он кусал их от ярости.

– Ты знаешь меня, – произнёс он беззвучно.

Хранитель не услышал слов, но почувствовал их на коже, как холодную воду.

В этот миг перо выпало из его пальцев и ударилось о стол. Капля чернил брызнула и легла пятном на букву К. Из пятна потянулся тонкий пар, пахнувший смолой.

Хранитель прижал ладонь к груди, чувствуя, как сердце бьётся о клетку рёбер. Он поднялся, как в тумане, сделал шаг к двери – хотел спрятаться, убежать вниз, к мёртвым записям, к этим древним костям мира. Но нога не слушалась. Казалось, пол дёрнулся под ним, словно смотрел зеркало.

Он остановился возле окна. Там – ночь, затянутая серым шёлком. Но вдалеке, на горизонте, дрожал красноватый огонёк. Как сигнальный костёр. Как маяк. Как... память о городе, которого не существует.

– Кераст, – сказал он. И имя само развернулось внутри, как флаг на ветру.

Башня загудела, стекло в окнах треснуло паутиной; тысячи мелких линий поползли, создавая карту, которой нет на свете.

Внизу зашуршало – капсула, тусклый ящик, нырнула обратно в колодец. Она никогда не возвращалась. Никогда. До

этой ночи.

Хранитель понял: всё изменилось. Цикл сломался.

В комнате пахло горелым воском и ещё чем-то – терпким, едва уловимым, как дым прелых трав. Он подошёл к столу, вытащил из ящика старый кинжал – тонкий, как поцелуй лжи. Лезвие было покрыто узорами, которые менялись под светом, словно кто-то писал по стали незримыми чернилами.

– Если ты правда существуешь, – сказал он зеркалу, – приди и заberi своё.

Лорд улыбнулся. В этот миг по стеклу пошла трещина. Хранитель вскинул кинжал, но зеркало не упало. Вместо этого из трещины потекла тонкая нитка света – красная, как кровь под лунью. Она капнула на стол, отпечаталась огненным зрачком.

Башня издала низкий стон – деревянно-каменный: множество этажей скрипнули, будто суставы древнего зверя. Хранитель поймал себя на мысли, что башня – это его тело, а он – её сердце, и сейчас это сердце намерен извлечь кто-то другой.

Он отвернулся и зажмурился. Шагнул назад.

Когда открыл глаза, зеркало лежало целым. Никаких трещин. Никакой крови. Только своё отражение – усталое, испуганное, несколько лет постаревшее за эту одну ночь.

– Ты сходишь с ума, – сказал он себе.

Но свиток на столе сиял словом «Кераст», и внутри этого

слова жило пламя.

Он понял, что сегодня ночью спать не будет. Он сядет и напишет всё, что сможет вспомнить – откуда взялось это имя, где видел он этот герб ворона, слышал ли когда-нибудь о Совете Чистоты, истинном ли Совете...

А за окном мерцал огонёк на горизонте, и казалось, что с каждым взмахом сердца он становится ближе.

К утру он не написал ни строчки. Чернила на пергаменте сворачивались в странные пятна, уклоняясь от пера. Мир сопротивлялся. словно сам воздух отсасывал чернила, не давая сточить их на бумаге.

И только одна нота звучала, пока он сидел в тишине. Это был невидимый колокол где-то далеко в skleпах реальности. Он ударял ровно: дин... дин... дин... И каждый удар подсказывал, что ночь не забыла, как его зовут, даже если он сам забыл.

Хранитель поднял голову, посмотрел на потолок – там появилась тонкая щель, из которой сеялся белый песок. Он потянулся рукой и коснулся россыпи. Песчинки были горячими. На пальцах остался странный красноватый отпечаток, как пепел костра, которого он не разводил.

«Кераст зовёт», – произнёс он шёпотом, будто имя могло услышать его и без зеркал.

Сквозь каменные стены в ответ прошёл шорох, похожий на шелест тысяч страниц, когда кто-то нетерпеливо перелистывает толстую книгу, желая дойти до финала.

Хранитель положил ладонь на свиток. Жар шёл изнутри, словно бумага прятала горящее сердце. Он зажмурил глаза и слышал собственный голос – но старый, надломленный, чужой: «Ты был королём. Ты был огнём. Ты был клинком. Вернись».

Он отдёрнул руку – и пусть ногти впились в ладонь, кровь капнула на камень, он не почувствовал боли.

Потому что болью уже был мир.

Глава 2. Первое трещание реальности

Хранитель проснулся оттого, что бумага жила своей жизнью.

Он сидел за столом, хотя клялся себе лечь хоть на час. Проблеск рассвета едва касался зубцов башни, а чернила на старейшей Хронике ползли, как чёрные муравьи-сафо. Они стекали со строк, ломаясь на клочки, будто от них отрезали кусочки правды острым ножом.

Хроника перед ним раскрылась на годе 472-м Ледяного Соглашения – королевства, которое он когда-то зачеркнул одним росчерком. По всем правилам от него должны были остаться лишь пустые поля, память без контуров. А сейчас слова проступали снова. Тусклые, но упрямые, они вытягивались из бумаги, как корни из сухой земли, и одна за другой складывались в строчку, которую невозможно было не заметить:

...зерно восстанет там, где был пепел. Кераст помнит своё семя.

Хранитель повернул голову, будто за стеной кто-то шепнул его имя. Комната была пуста. Однако в углу стоял зыбкий силуэт – пятно тени на полу, где тени быть не могло:

солнце ещё не поднялось.

Он зажмурился, досчитал до трёх, открыл глаза. Тени не было. Зато на странице вместо прежней фразы уже ползла новая:

Один удар, одна взмахнувшая перо рука – и тысяча огней погаснет. Но мы тлеем под пеплом.

Ему захотелось закрыть книгу, но пальцы не слушались. Их сводило, будто в кости вживили крохотные крючки, тянущие ладони обратно к бумаге. Он почувствовал, как на лбу выступил холодный пот – не тот, что приходит при страхе, а тот, который выползает из глубин, когда реальность трескается по швам и наружу вываливается нечто древнее.

Внезапно буквы словно заметили, что за ними наблюдают. Они затряслись, дрогнули, и стали стекать вниз, как сажа по мокрому стеклу. Слова рвались, шлёпались на нижние поля, разбрызгиваясь кляксами. Хроника жалобно застонала – скрипнули корешки, будто в ней стянули нервы слишком тугой струной.

Хранитель хлопнул книгу – и тут же отдернул руки: пергамент был горяч, как камень, нагретый полуденным солнцем, хотя в башне стоял рассветный холод. Кожа на его ладонях запеклась, оставив тонкие красные полосы. Он глянул на пальцы – и заметил, что шрамы выстраиваются в неясные знаки, как если бы невидимый писец решил использовать шрамы вместо чернил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.